

Предисловие

Эта книга — гипотеза. Таковой она должна и остаться, даже если покажется читателю столь же убедительной, как и автору. Прямых доказательств гипотезы нет, и вряд ли они найдутся — обоснование построено на вслушивании в партитуру, на сопоставлении и реинтерпретации всем известных фактов.

Я не искала секрет Патетической симфонии. Догадка явилась в 2006 году сама, хотя нельзя сказать, что на пустом месте. В обстоятельствах ее возникновения переплелось личное и общественное; в значительной мере это была моя реакция на историографический фон и распространившиеся на Западе взгляды на творчество Чайковского вообще и Шестую симфонию в частности.

В 1990-е годы совпало несколько факторов. Первый из них — взрыв интереса к Чайковскому, вызванный вбросом мифа о его самоубийстве и связанной с этим полемикой. В 1981 году Дэвид Браун перевел на английский статью Александры Анатольевны Орловой «Чайковский. Последняя глава»¹, став проводником скандальной выдумки. Несмотря на немедленное и авторитетное опровержение со стороны Нины Берберовой, Малколма Брауна и Саймона Карлинского², Дэвид Браун продолжал придерживаться версии о самоубийстве и закрепил ее в последнем томе монографии о Чайковском³, а также в одном из изданий *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. В дальнейшем критика мифа последовала и со стороны Ричарда Тарускина⁴, однако ни Орлова, ни Д. Браун не расстались со своим убеждением. Напротив, Орлова в том же духе выступила в книге «Чайковский

¹ Orlova A. *Tchaikovsky: the last chapter // Music & Letters*. 1981. Vol. 62. P. 125–145.

² Berberova N., Brown M. H., Karlinsky S. Tchaikovsky's suicide reconsidered: a rebuttal // *High Fidelity*. 1981. Vol. 31, No. 8. P. 49, 85; рус. пер.: Берберова Н., Браун М., Карлинский С. Смерть Чайковского: точки зрения // *Новый американец*. 1981. № 75. 19–25 июля. С. 39.

³ Brown D. *Tchaikovsky: a biographical and critical study: in 4 vols. Vol. 4: the final years, 1885–1893*. London: Gollancz, 1991.

⁴ Taruskin R. Pathetic symphonist: Chaikovsky, Russia, sexuality and the study of music // *New Republic*. 1995. Vol. 212, No. 6. P. 26–40. Перепечатано в кн.: Taruskin R. *On Russian music*. Berkeley: University of California Press, 2008. P. 76–104.

без ретуши» (Нью-Йорк: Слово, 2001), а Браун — в сокращенном, однотономном варианте монографии⁵.

Вторым фактором, повлиявшим на ситуацию вокруг Чайковского, явились две круглые даты — 150-летие со дня рождения композитора (1990) и столетие со дня его смерти (1993), которые привлекли к нему музыковедческий интерес во всем мире и стимулировали много хороших исследований. Третий фактор — развитие в США так называемого «нового музыковедения», новым в котором являлась интердисциплинарность, а под ней понималась главным образом опора на гендерные исследования. Прибавим к этому четвертое — кульминационный момент в более чем вековом развитии политической силы ЛГБТ, пришедший как раз на столетие со дня смерти Чайковского. Нетрудно догадаться, что всё это, вместе взятое, в большой мере обрекало его творчество на изучение и объяснение сквозь призму гомосексуализма. Как просто, как захватывающе, как привлекательно для публики!

Не первым, но самым заметным из тех, кто ухватил этот лакомый кусок, оказался Тимоти Джексон. Его книга о Шестой⁶ развивала идею Хэблока Эллиса, будто симфония является выражением гомосексуальной трагедии⁷. Для Джексона это было очевидно настолько, что он даже забыл упомянуть автора идеи.

Книга подверглась резкой критике. Самую обстоятельную рецензию на нее написала Марина Фролова-Уокер⁸, однако аргументации в пользу принадлежности Патетической к общечеловеческому искусству рецензия не предусматривала — эта как бы всем известная данность была вынесена за скобки.

Оставленная нам Чайковским загадка скрытой программы Шестой симфонии оказалась рискованной: композитор вряд ли предвидел события, развернувшиеся через много лет после его кончины. Концепция Эллиса — Джексона захватила на Западе господствующие высоты, и отсутствие альтернативы тревожило и удручало. Стремление, даже долг противопоставить трактовке

⁵ *Brown D.* Tchaikovsky: The man and his music. New York: Pegasus Books, 2007. Подробнее о полемике вокруг версии о самоубийстве Чайковского см.: *Рыцарева М.* Чайковский & Tchaikovsky: Как воспринимают Чайковского на Западе — в обзоре современной литературы // Музыкальное обозрение. 2015. № 8 (387). С. 17–18.

⁶ *Jackson T. L.* Tchaikovsky. Symphony No. 6 (Pathétique). Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁷ См.: *Ellis H.* Impressions and comments. London: Constable & Company, 1921. P. 136.

⁸ *Frolova-Walker M.* Tchaikovsky. Symphony No. 6 (Pathétique) by Timothy L. Jackson...: [Book review] // Music & Letters. 2001. Vol. 82, No. 1. Feb. P. 128–131.

в модном ключе иную, которая бы не сводила содержание великой симфонии к проблематике узколичной и весьма специфической, а соответствовала масштабу гения ее автора, и явились для меня мощным стимулом. Они дали жизнь моей догадке-гипотезе, побудили разработать ее и воплотить в книге, вышедшей в англо-американском издательстве «Ashgate» в 2014 году⁹.

В русском культурном пространстве Чайковский и его Патетическая симфония в защите не нуждаются, книга мне казалась важной прежде всего для западной публики. И какой бы прием она ни получила (а отклик в английских и американских журналах оказался в целом положительным), главная цель была достигнута. На полках в университетских библиотеках стоит еще одна работа о Шестой симфонии, и у студентов всего мира, как и у авторов аннотаций к концертам, есть возможность узнать альтернативную концепцию и сделать выбор. Однако надеюсь, что и русскому читателю будет небезынтересно познакомиться с новым взглядом на, казалось бы, столь знакомое произведение. Вслед за Нильсом Бором скажу: пусть читатель судит сам, достаточно ли безумна предлагаемая идея, чтобы оказаться верной. Но если и не все ее примут, то, во всяком случае, увидеть привычное в непривычном ракурсе может оказаться полезным. А кроме того, рассмотрение Патетической симфонии в контексте богоискания — явления, крайне важного в истории русской мысли, — привлечет более пристальное внимание к религиозным воззрениям Чайковского, которые по традиции, идущей от советского периода, редко попадают в поле зрения.

Берясь за интерпретацию замысла Патетической симфонии и вынося свою книгу на суд западной аудитории, я сознавала огромную ответственность этой задачи, и особенно ответственность перед русской культурой, в которой я выросла. Поэтому решающей в этом проекте оказалась проверка идеи в обсуждениях с авторитетными петербургскими коллегами. На мое счастье, среди них есть крупнейшие специалисты: по Чайковскому — Аркадий Иосифович Климовицкий, по Баху — Анатолий Павлович Милка, что особенно важно для моей концепции. В том же ряду и самая близкая «группа поддержки», состоящая из моей израильской подруги и коллеги, специалиста по музыкальной семиотике Эсти Шейнберг и моего мужа и коллеги Сергея Рыцарева-Абира, помощь которых я ощущала с момента зарождения идеи до выхода книги и даже после.

⁹ Это издательство впоследствии вошло в другое, также англо-американское, — «Routledge» (Taylor & Francis Group), которое фигурирует на репринтах книги начиная с 2015 года.